

КОМБИНАТОРНАЯ СЕМАНТИКА: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

А.А. Манкевич

Полесский государственный университет

г. Пинск, Республика Беларусь

E-mail: mankevich.a@polessu.by

Автор затрагивает тему развития комбинаторной семантики от истоков до наших дней. В статье показано, какое влияние языкознание Древней Индии, идеи шотландских философов, одного из основоположников современной лингвистики Ф. де Соссюра и В.В. Мартынова оказали на становление новой научной парадигмы – частей языка (тайгенов и ёгенов), разрабатываемой в комбинаторной семантике.

Ключевые слова: комбинаторная семантика, парадигма частей языка, тайгены и ёгены, грамматика Панини, Патанджали, индивидуалии, универсалии, Ф. де Соссюр, В.В. Мартынов.

«Язык – это не столько форма выражения готовых мыслей, сколько способ содержательной организации и представления знаний. Этот способ первичен, универсален, возникает с самим зарождением интеллекта и служит надёжным инструментом его развития» [5, с. 5].

Язык стал объектом исследований ещё до нашей эры. В разных частях мира практически одновременно начали формироваться учения о языковых универсалиях. Учёные ставили целью найти, в терминологии проф. В. А. Карпова, языковые изомеры, т.е. языковые универсалии и элементы, встречающиеся во всех или, хотя бы, во многих языках. В те времена философы, порой ещё не осознавая этого, стремились разработать «единый метод исследования и стандарт описания Языка [4, с. 105]». Среди многообразия языков мира есть основные характеристики языка как общечеловеческого явления, и эти характеристики были предметом исследования учёных до нашей эры. Сначала подобный подход был предложен философами, затем заимствован лингвистами в рамках филологии.

Во II веке до н.э. в Индии философ Патанджали (санскр. पतञ्जलि, patañjali, ок. 200 до н.э. – ок. 150 до н.э.) сформулировал понятия «индивид» и «универсалия»: в одном из своих сочинений индийский философ рассуждал о том, обозначают ли обычные имена, как, например, «корова», индивидуалию (индивидуальное животное) или соответствующую универсалию. Тогда же были предприняты и первые попытки категоризации знаков. «Все слова разделялись на два класса: бытие и небытие» [6, с. 157].

В класс бытия включалось всё, что есть, или все положительные реалии, например, ум, а также существующие предметы. В свою очередь, класс небытия объединял все отрицательные сущности, то есть, несуществующие предметы.

Таким образом, ещё до нашей эры индийские философы пытались сформировать своё представление о мире. Тогда они опирались на понятия, обозначаемые знаками, а не на грамматические показатели самих знаков.

Следующая ступень развития связана с западной эпохой Средневековья. В западноевропейской философии универсалии употреблялись в двух основных значениях:

1) определение самой вещи, что было близко к понятию индивида в комбинаторной семантике, то есть тайгена [1, с. 33].

2) суждение об этой вещи, то есть выработка определенных критериев (истинности или ложности, прекрасного и безобразного, блага и зла), что было близко к понятию признака индивида, то есть ёгена [1, с. 33].

В то время наибольший вклад в развитие учения о языковых универсалиях и категориях языка внесли шотландские философы. Согласно их воззрениям, реально существуют только индивиды; формы и сущности также существуют, но не реально, а в качестве объектов Божественного интеллекта [3, с. 235]. Эти сущности – суть «природы», которые сами по себе не являются ни общими, ни единичными, но предшествуют существованию и общего, и единичного. Если бы природа лошади была единичной, была бы только одна лошадь, если бы она была универсальной, не существовало бы отдельных лошадей, поскольку из «общего нельзя вывести единичное, и наоборот, из единичного – общее». Существование индивидуальных вещей возможно благодаря добавлению к сущности-природе особого индивидуализирующего признака – «этости», о чём, как раз и рассуждали индийские философы (см. выше).

Объясняя акт творения как переход от уменьшенного бытия универсалий в качестве объектов божественного мышления к реальному бытию индивидов, шотландские философы впервые в русле платоновско-аристотелевской философской традиции придали индивиду статус фундаментальной онтологической единицы. Индивид, согласно их учениям, обладает более высоким бытийным совершенством, чем совершенство видовой или родовой сущности.

Тогда же была затронута и тема синтаксиса: согласно средневековому реализму, логическому членению высказывания (на субъекты и предикаты) соответствует аналогичное членение онтологической сферы. В то время полагали, что первичными являются не предикаты

(универсалии), а субъекты (индивиды). Индивид – это не просто совокупность свойств, соответствующих отдельным предикатам (родам и видам), но, прежде всего, их единство, притом определённое единство, свойственное именно «этой» вещи.

Кроме того, философы ввели отдельные принципы для духовных и материальных понятий. Говоря о нетелесных субстанциях, они утверждали, что реальны только индивиды, общие понятия сами по себе не имеют онтологического аналога, каковой существует лишь у понятий, выполняющих функцию предикатов предложения. Различию предикатов, относимых к одному субъекту, соответствует формальное различие свойств индивида, которые не обладают реальным различием в качестве обособленных сущностей [7, с. 238].

Что касается материальных понятий, в них различие свойств есть реальное различие. Основанием для отнесения индивидов к одному виду, то есть к одному множеству знаков, является их «общая природа».

В средние века была распространена идея, что «каждый материальный предмет можно рассматривать как изображение чего-то ему соответствовавшего в сфере более высокого и, таким образом, становившегося его символом». Символ был универсален, и сама природа виделась огромным хранилищем символов. Задача состояла в том, чтобы найти ключи от дверей в скрытый мир, и подобными ключами считались универсалии.

Огромный вклад в дальнейшее развитие учения о символах внёс Ф. де Соссюр. Одним из наиболее важных тезисов в его учении является то, что язык как система знаков ставился в один ряд с любой другой системой знаков, поэтому изучение языка на равных основаниях и тождественными методами мыслилось в составе так называемой семиологии – единой науки о знаках. Означающее – это понятие, означающее – акустический образ. И понятие, и акустический образ, в понимании Ф. де Соссюра, находятся в сознании.

В дальнейшем учёные стали развивать идеи о слове и языке. Так, по словам Е. Копосова, «история дана нам, прежде всего, хотя и не исключительно, в лингвистической форме, и для её понимания необходимо пройти через уровень лингвистического анализа... Однако изучение языковых механизмов на каждом шагу ведет нас за пределы языка, обнаруживая взаимодействие лингвистических и нелингвистических механизмов» [8, с. 25].

Без языка, без слова не может быть и сознания, разума, мышления. В Септуагинте во фразе «в начале было слово» используется термин «логос» (λόγος), у которого, помимо значения «слово», есть и все вышеперечисленные значения: разум, сознание, мышление. В церковно-

славянском языке частичным переводным эквивалентом греческому «ЛОГОС» стало «слово».

Л. Н. Толстой в книге «Соединение и перевод четырёх Евангелий» даёт следующее толкование текста: «Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога» [11, с. 97]. Л. Н. Толстой привёл одиннадцать главных значений «λόγος»: 1) слово; 2) речь; 3) беседа; 4) слух; 5) красноречие; 6) разум, как отличие человека от животного; 7) рассуждение, мнение, учение; 8) причина, основание думать; 9) счёт; 10) уважение и 11) отношение [11, с. 182]. Из них следует отметить такие значения, как «слово», «речь» и «разум, как отличие человека от животного».

Л. Н. Толстой отмечал: «Я не отрицаю никакого другого перевода; можно поставить и слово "разум" или "премудрость" и даже оставить "слово", приписав ему более широкое, не свойственное ему значение; можно даже оставить, не переводя, слово "логос"; смысл всего места будет тот же самый» [5, с. 50].

При переводе Библии на китайский язык в качестве эквивалента Логоса было выбрано *Дао*. Конфуций использовал понятие Дао для обозначения разумной силы и первопричины мира. Так Логос превратился в Дао, а китайский текст Евангелия от Иоанна стал звучать как: «В начале было Дао». В русском и китайском языках Логос так или иначе указывает на сотворение мира и связан с разумом. Познав слово, человек сможет познать и свой разум, а познав свой разум, можно стать ближе к основам мироздания. Эти идеи отражены в монографии В. В. Мартынова «В центре сознания человека» [6, с. 19].

В XX–XXI веках учёные, работающие над едиными теориями мироздания, всё чаще обращаются к лингвистике. Единая теория космогенеза возможна только при ясном представлении о структуре сознания и о мыслительных процессах человека, и, как уже было отмечено ранее, «в начале был логос», где логос – это и слово, и сознание.

Объяснить создание мира учёные пробуют при помощи теории струн. Как отмечает В. В. Мартынов, «теория струн обладает всеобъемлющим объяснением всему, и дальнейшее развитие этой теории должно привести нас к совсем иной области, к области человеческого сознания» [10, с. 28]. Сознание неотделимо от Слова, поэтому для познания мира нужно, прежде всего, познать разум, Слово.

Постепенное развитие любой теории так или иначе должно привести к сознанию человека, к его разуму и его Слову, ведь «в основу гармонии мироздания положено письмо», как писал Пифагор. Подобные идеи высказывались философами Древней Индии, о чём речь пойдёт далее.

Одной из ключевых фигур древнеиндийской философии является Панини. Грамматика Панини стала фундаментом для порождающей грамматики, в рамках которой существует система правил, объясняющих, какая комбинация слов оформляет грамматически правильное предложение. [3, с. 7] Она восходит к языковедческим трудам брахманской культуры, которая сформировалась среди жрецов Древней Индии, где существовал культ обожествления речи. Пример этому – гимн богине Речи, которая возводилась на уровень «всеобщей космологической жизненной силы». При составлении гимна использовались первейшие, примитивные правила порождающей грамматики, заключающиеся в том, что определённые сочетания фонем ключевого слова использовались для построения верного предложения.

Следующими ступенями создания формализованной индийской грамматики было составление брахманов и развитие новой дисциплины под названием «нирукта» (санскр. निरुक्त, «этимология»). Брахманы – трактаты, в которых содержались ведийские стихи, объясняющие действия жрецов при совершении важных обрядов. Ключевым в этих стихах было то, что они, как и гимн богине Речи, составлялись при помощи определенных правил. В нируктах же были описаны языковые признаки того или иного текста, причём в них уже тогда существовали списки слов, группируемые в ассоциативные ряды под названием ниганту (санскр. निघण्टु, «связка») [12, с. 71].

Со временем к брахманам и нируктам добавились такие вспомогательные дисциплины, как фонетика и метрика. Они получили название веданг, что в переводе означает «конечности». Это подразумевало то, что без брахман и нирукт (корпус, тело) вспомогательные дисциплины (конечности) не имеют смысла. Эти положения и дисциплины стали основой для грамматики Панини.

Панини создал подробное описание словоизменения и словообразования древнеиндоарийского языка. Его целью было предоставить сведения, необходимые для построения правильных текстов из первичных единиц, составляющих текст, и набора правил, как их сочетать между собой.

Грамматика Панини состоит из следующих частей:

- 1) основные правила порождения правильных предложений;
- 2) список корней и глагольных основ, которые используются для создания составных частей предложения, то есть слов;
- 3) детальная классификация санскритских звуков.

Основная часть грамматики Панини состоит из сутр – особым образом организованных кратких отрезков текста. Каждая сутра формулирует некоторое правило преобразования исходных или уже преобра-

зованных предыдущими правилами отрезков текста; порядок правил строго фиксирован. Изначально грамматика Панини передавалась в устной форме, поэтому формулировка правил для более легкого заучивания сокращалась до главного смысла.

В правилах отражены следующие принципы порождения текста:

- 1) правила фонетических изменений на морфемных стыках (внутренние сандхи);
- 2) правила фонетических изменений на границах слов (внешние сандхи);
- 3) правила соединения морфем (корней, аффиксов) внутри слова;
- 4) правила сочетаний слов;
- 5) замена одного элемента на другой на разных уровнях (фонетический, категорематический и др.).

Грамматика Панини – образец строгого, формализованного и компактного описания языка. В совокупности правила «Восьмикнижия», в которых описана порождающая грамматика Панини, дают описание морфонологии, словообразования, морфологии и синтаксиса санскрита. Санскрит описывался в единой системе и всесторонне.

Следует отметить ориентацию грамматики Панини и других индийских грамматик I тысячелетия до н.э. на синтез, построение текстов из составляющих частей, тогда как европейская наука с античности и до середины XX в. ориентировалась сугубо на анализ уже данных текстов. Многие явления языка, впервые рассмотренные у Панини, много веков спустя стали предметом углублённого лингвистического исследования в европейских грамматиках, например, в порождающей грамматике Н. Хомского [13].

Универсальные характеристики языка как общечеловеческого явления были предметом исследования, начиная с глубокой древности, когда учёные стремились вывести языковые универсалии. Философы Древней Индии работали над своим представлением о мире, состоящим из категорий языка.

Патанджали вывел понятия «индивид» и «универсалия», разделил знаки на два класса (бытие и небытие), тем самым сделав первые попытки категоризации знаков. Панини положил начало порождающей грамматике, сформулировав систему правил, объясняющих, какая комбинация слов соответствует грамматически правильному предложению. Отметим, что в Древней Индии учение о частях языка опиралось на семантику знаков, а не на морфологические показатели. Шотландские учёные впервые в русле платоновско-аристотелевской философской традиции придали индивиду статус фундаментальной онтологической единицы. Они полагали, что «каждый материальный предмет можно рассматривать как изображение чего-то ему соответ-

ствовавшего в сфере более высокого и, таким образом, становившегося его символом». В дальнейшем Ф. де Соссюр пришёл к пониманию языка как семиологической основы всех знаковых систем.

В статье мы стремились показать, какое влияние языкознание Древней Индии, воззрения шотландских философов, а также фундаментальные идеи одного из основоположников современной лингвистики Ф. де Соссюра оказали на становление теории о частях языка (тайгенах и ёгенах) – новой научной парадигмы, разрабатываемой в рамках комбинаторной семантики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. ст. – Гродно, 2005. С. 32–35.
2. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей : автореф. дис. ... докт. фил. наук : 10.02.19 / А. Н. Гордей ; БГУ. – М., 1998. – 162 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: taraz.by – Дата доступа: 11.11.2023.
3. Гордей А.Н. Семантическая разметка события и её отображение средствами китайского и русского языков / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе. – РГУ имени С.А. Есенина, 2021. – Вып. II. – С. 5–26
4. Гордей А.Н. Типологические аспекты словообразования / А. Н. Гордей, Сунь Кэвэнь // Пути Поднебесной. – Минск : РИВШ, 2011. – Вып. II. – 434 с.
5. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика: пер. с англ. / сост., ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1989. – 432 с.
6. Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д. История лингвистических учений. Средневековый Восток / А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1980. – 309 с.
7. Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д. История лингвистических учений. Средневековая Европа / А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1980. – 291 с.
8. Копосов, Н. Е. Как думают историки / Н. Е. Копосов – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 236 с.
9. Манкевич А. А. Тайгены и ёгены в китайской лингвистической традиции / А. А. Манкевич // Сборник научных статей студентов, магистрантов и аспирантов : сб. науч. ст. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: С. В. Анцух (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2020. – 319 с.
10. Мартынов, В. В. В центре сознания человека / В. В. Мартынов – Минск: БГУ, 2009. – 272 с.
11. Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырёх Евангелий : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1957. — Т. 24. – 342 с.
12. Тавастшерна С. С. Становление и развитие лингвистической традиции в Древней Индии: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / С. С. Тавастшерна – М., 2013. – 193 л.
13. Хомский, Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский. – The Hague : Mouton, 1957. – 117 с.

COMBINATORIAL SEMANTICS: FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT DAY

A.A. Mankevich

Polessky State University

Pinsk, The Republic of The Republic of Belarus

E-mail: mankevich.a@polessu.by

The author touches upon the development of combinatorial semantics from its origins to the present day. The article shows the influence of the linguistics of Ancient India, the ideas of Scottish philosophers, one of the founders of modern linguistics F. de Saussure and V.V. Martynov on the formation of a new scientific paradigm - parts of language (taigens and yogens), developed in combinatorial semantics.

Keywords: combinatorial semantics, paradigm of parts of language, taigens and yogens, Panini grammar, Patanjali, individualities, universals, F. de Saussure, V.V. Martynov.